

ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ КАМЕНЕВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ev.kamenev@yandex.ru

НАДЕЛЯЯ СМЫСЛОМ «ЗЕЛЕНУЮ КНИГУ»: УСТАВ СОЮЗА БЛАГОДЕНСТВИЯ В МОНОГРАФИИ «ДВИЖЕНИЕ ДЕКАБРИСТОВ» М. В. НЕЧКИНОЙ

Цель статьи – деконструкция интерпретации М. В. Нечкиной текста устава Союза благоденствия («Зеленой книги»). Теоретической основой исследования являются идеи Ролана Барта о связи идеологии с феноменом коннотации. Исследование коннотаций, а также способов их включения в текст монографии М. В. Нечкиной «Движение декабристов» позволило раскрыть механизм идеологизации исторического повествования. М. В. Нечкина интерпретировала «Зеленую книгу» как текст, свидетельствующий о революционности Союза благоденствия. Для придания тексту устава желаемого смысла М. В. Нечкина использовала коннотативную знаковую систему. Словосочетание *классовая дворянская ограниченность*, слова *тайна*, *конспирация*, противопоставление «Зеленой книги» и Жалованной грамоты дворянству, указание на несовпадение текстов «Зеленой книги» и устава Тугендбунда, анализ историком гипотетического содержания второй части «Законоположения Союза благоденствия» являются означающими коннотативной знаковой системы. Все эти означающие имеют всего лишь одно означаемое – революционность. Однако они получают этот смысл только лишь благодаря погружению в соответствующий контекст – в контекст взглядов Ленина на движение декабристов и в контекст истории французской революции. Для этого читателю монографии необходимо было владеть соответствующим культурным кодом, на что и рассчитывала М. В. Нечкина.

Ключевые слова: советская историография, М. В. Нечкина, движение декабристов, «Зеленая книга», коннотация, Р. Барт

1950-е годы не стали временем освобождения советской исторической науки от идеологической нагрузки. После смерти И. В. Сталина историческая наука продолжала свое развитие в рамках установленных властью границ, которые, впрочем, несколько расширились. Партийные органы по-прежнему определяли основные идеологические положения, на которые должны были ориентироваться историки. Историческая наука получила лишь «санкционированную свободу» [6; 251].

Начавшаяся десталинизация в исторической науке шла под лозунгом возрождения ленинизма. Этот процесс нельзя назвать деидеологизацией исторического познания. Менялись способы представления идеологических оснований научного знания. Особенно отчетливо это проявлялось в области изучения революционного движения. Вместо обращения к руководящим высказываниям Сталина и ссылок на «Краткий курс» приходили более сложные схемы идеологического обоснования. Об этом свидетельствует ставшая на долгое время классическим трудом в области декабриствоведения двухтомная монография М. В. Нечкиной «Восстание декабристов» (1955) [4].

Усложнение механизма идеологизации исторического повествования требует более сложных процедур исследования, направленных на раскрытие приемов включения в него идеоло-

гических установок. Теоретической основой настоящего исследования служат идеи Ролана Барта о связи идеологии с феноменом коннотации. Барт, исходя из разделения денотата (буквального значения слова) и коннотата (тех ассоциаций, которые оно вызывает), показал, что идеология может быть рассмотрена как совокупность коннотативных значений. Средством исследования идеологии является анализ вторичной (коннотативной) знаковой системы, которая опирается на естественный язык (первичную знаковую систему). Анализируемый текст делится на ряд фрагментов (лексий), в каждом фрагменте выявляются коннотации [1], [2]. Анализ коннотаций, а также способов их включения в текст позволит раскрыть механизм идеологизации исторического повествования.

В настоящей статье нас интересуют те приемы, используя которые М. В. Нечкина придавала желаемый смысл тексту исторического источника. Будучи ограничены рамками статьи, мы сконцентрируем внимание только на одном конкретном примере – нас будет интересовать характеристика историком «Законоположения Союза благоденствия» («Зеленой книги»), речь о котором идет в пятой главе первого тома монографии «Движение декабристов».

«Зеленая книга» – устав Союза благоденствия (1818–1821), подготовленный М. Н. Муравьевым, П. И. Колошиным, П. П. Лопухиным, И. А. Дол-

горуким. Первая часть «Зеленой книги» раскрывала «явную цель» союза, которая заключалась в содействии правительству путем распространения «между соотечественниками истинных правил нравственности и просвещения». Вторая часть, которая до настоящего времени не обнаружена исследователями (и нет прямых доказательств, что она была написана [5; 312]), должна была раскрывать «сокровенную» цель организации (согласно современной точке зрения – установление конституционной формы правления) [3; 272]).

«Зеленая книга» ставит перед советским историком существенную проблему. Согласно М. В. Нечкиной, Союз благоденствия – нелегальная революционная организация, имевшая своей целью ограничение абсолютной монархии и улучшение положения крепостных крестьян². По-иному Союз благоденствия не мог быть охарактеризован. Организация не могла быть названа легальным либеральным обществом. В этом случае союз не вписывался бы в историю русского революционного движения, официальный взгляд на которую был сформулирован В. И. Лениным, считавшим движение декабристов первым этапом в истории русского революционного движения³.

Однако в «Зеленой книге» нет свидетельств, которые бы подтверждали революционный характер Союза благоденствия. В уставе ничего не говорится об отмене крепостного права или о желании его участников изменить существовавшую в России форму правления. Напротив, в документе есть прямое указание на готовность членов союза сотрудничать с властью: «Союз благоденствия в святую себе вменяет обязанность <...> споспешествовать правительству к возведению России на степень величия и благоденствия, к коей она самим творцом предназначена»⁴.

Для того чтобы «Зеленая книга» соответствовала ленинской концепции движения декабристов, ее необходимо было охарактеризовать как текст, свидетельствующий о революционности Союза благоденствия.

По мнению М. В. Нечкиной, первая часть устава не раскрывала программу союза целиком, «ибо не содержала его основных целей», она «была более всего системой его практических мероприятий для создания в стране “общественного мнения”»⁵.

Стремление влиять на общественное мнение, с учетом умеренных идей, изложенных в «Зеленой книге», не свидетельствует о революционном характере союза. В уставе нет сведений, согласно которым декабристы намеревались формировать общественное мнение в стране в целях подготовки революции. Распространять «правила нравственности и просвещения» члены союза намеревались, как сказано в уставе, в целях «споспешествования», то есть содействия, правительству⁶.

Каким образом М. В. Нечкиной удастся включить подготовку общественного мнения в контекст истории революционной борьбы? Историк считает, что готовить общественное мнение декабристы намеревались для осуществления в дальнейшем государственного переворота. Первая часть «Зеленой книги» была, согласно М. В. Нечкиной, «как бы схемой рычагов и приводных ремней от основного тайного замысла к явным действиям, результатом которых должно было явиться овладение той силой, которая, по мнению первых русских революционеров, правила миром»⁷.

М. В. Нечкина стремится наделить понятие *подготовка общественного мнения* революционным смыслом. «Французская революция, – пишет историк, – с ликованием вынесла вперед тезис об общественном мнении, правящем миром. Этот лозунг был написан на победном знамени, которое революция водрузила над обветшалым миром деспотизма королей, владычества дворян и попов»⁸. Понятие *общественное мнение* в данном отрывке погружено в контекст истории свержения Людовика XVI. Другими словами, проводится связь между формированием общественного мнения и революционной деятельностью.

В подтверждение этой мысли М. В. Нечкина цитирует французского историка Шарля Дюкло: «Общественное мнение рано или поздно опрокидывает любой деспотизм»⁹. В указанной цитате словосочетание «опрокидывает любой деспотизм» отсылает к концепту *революция*, так как форма правления, благодаря общественному мнению, не просто меняется, она опрокидывается. Слово *опрокидывать* ассоциируется в данном контексте с насильственной сменой власти. Коль скоро насильственная смена формы правления возможна благодаря общественному мнению, последнее вполне может рассматриваться как тактическое средство революционной организации.

Путем отсылки к истории французской революции и при помощи цитаты Ш. Дюкло М. В. Нечкина придает тезису о подготовке общественного мнения революционный смысл. Формирование общественного мнения как тактическое средство участников организации, о котором говорится в «Зеленой книге», приводится, таким образом, в соответствие с идеей революционности Союза благоденствия.

Далее М. В. Нечкину интересует, «чье именно “общественное мнение” подлежало созданию, организации и управлению?»¹⁰. В «Зеленой книге» сказано: «Союз не взирает на различие состояний и сословий: все те из российских граждан, дворяне, духовные, купцы, мещане и вольные люди, кои соответствуют вышеозначенному (имеется в виду готовность “перенести все трудности, с стремлением” к цели союза “сопряженные”). – Е. К.), исповедуют христианскую веру и имеют не менее 18-ти лет от роду, приемлются в Союз

благоденствия»¹¹. Крепостные крестьяне, как видим, исключены из перечня. Указанное обстоятельство представляет известную проблему для М. В. Нечкиной, ведь Союз благоденствия, согласно официальной трактовке, – организация, борющаяся за отмену крепостного права. Внимательное отношение членов союза к крестьянам, демократизм декабристов в крестьянском вопросе соответствовали бы принятой точке зрения.

М. В. Нечкина признает этот факт. Обратим внимание на то, как она пишет об этом. «Союз благоденствия, – отмечает историк, – исключил крепостное крестьянство из состава лиц, привлекаемых к активному преобразованию России, – он привлекал лишь свободные состояния. Это – явная черта классовой дворянской ограниченности, характерная для “Зеленой книги”»¹².

Словосочетание *классовая дворянская ограниченность* использовано автором в вышеприведенном отрывке неслучайно. Оно отсылало читателя, владевшего соответствующим культурным кодом, к целому ряду текстов В. И. Ленина, в которых формулируется и используется идея классовой дворянской ограниченности декабристов¹³.

Ленин называл декабристов революционерами. Однако революционность декабристов, с его точки зрения, была ограничена их дворянским происхождением, не позволявшим им понять значение народных масс в истории¹⁴. Непонимание роли народных масс в революционном движении является характерной чертой дворянской революционности: «Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа»¹⁵. Понятие *классовая дворянская ограниченность* соотносится В. И. Лениным исключительно с понятием *революционность*.

Кроме того, М. В. Нечкина в своей работе не раз высказывает мысль, согласно которой в контексте истории общественного движения в России революционность ограничивается именно классовой принадлежностью. Это видно, в частности, из ее комментариев к работе Ленина «Памяти Герцена». Историк пишет: «Несмотря на классовую ограниченность декабристов, Ленин высоко оценивает их революционную суть»¹⁶, «ставится задача (Лениным. – Е. К.) исследования классовой ограниченности декабристов, революционеров-дворян, страшно далеких от народа»¹⁷.

Используя словосочетание *классовая дворянская ограниченность*, историк отсылает читателя к ленинской трактовке движения. В контексте ленинской трактовки движения, которая в рассматриваемое время не подвергалась сомнению, указанное словосочетание отсылало к идее революционности. Все это позволяло М. В. Нечкиной, во-первых, включить свое исследование в русло ленинских взглядов на движение декабристов, во-вторых, охарактеризовать в нужном направлении исключение крестьян «из состава лиц, привлекаемых к активному преобразованию России».

Далее историк обращает свое внимание на способы формирования общественного мнения, изложенные в уставе союза. Для этого М. В. Нечкина переходит к анализу основных направлений («отраслей») в деятельности союза.

Анализируя информацию об отрасли «человеколюбие», М. В. Нечкина отмечает, что первая часть «Зеленой книги» предоставляет свидетельства, подтверждающие антикрепостнические взгляды членов союза. Историк пишет: «В одном из параграфов “Зеленой книги”, поясняющем функции данной отрасли союза, прорвалась и общая антикрепостническая предпосылка, коренным образом противоречащая “Жалованной грамоте дворянству”: в “Зеленой книге” указывалось, что крепостные крестьяне – “такие же люди” и что “никаких в мире отличных прав не существует, которые дозволили бы властителям жестоко с подвластными обходиться”»¹⁸.

Наличие в «Зеленой книге» свидетельств, подтверждающих антикрепостнические взгляды декабристов, важно для М. В. Нечкиной, так как они, по ее мнению, доказывают революционный характер союза. Необходимо, впрочем, отметить, что акцентированный автором протест против жестокого обхождения с крепостными по своей сути антикрепостническим не является. Роль «добраго помещика» не являлась каким-то исключением в указанное время. Гуманное отношение к крестьянам практиковали помещики и «недекабристского» круга [3; 336–346].

В вышеприведенном отрывке главным является не указание на гуманное отношение к крестьянам, зафиксированное в «Зеленой книге», а противопоставление устава Союза благоденствия Жалованной грамоте дворянству. Жалованная грамота («Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства», 1785) – пример официального документа, изданного от имени главы государства. Это текст, который вошел в Полное собрание законов Российской Империи. Учитывая это, видно, что противопоставление двух документов отражает противоречие официальной и декабристской позиций по проблеме и, в свою очередь, отсылает читателя к идее оппозиционности Союза благоденствия в крестьянском вопросе. То, что говорится в «Зеленой книге» относительно крестьян, носит оппозиционный характер, так как «коренным образом противоречит» Жалованной грамоте. Историк, таким образом, переносит акцент с содержания «антикрепостнической предпосылки» на ее характер.

В более явном виде указание на антиправительственный характер крестьянских воззрений участников союза дано в следующем отрывке: «Отметим, что в числе их обязанностей (имеются в виду члены третьей отрасли Союза благоденствия – «правосудие». – Е. К.) было “истреблять” продажу крепостных людей в рекруты или вообще продажу крепостных людей поодиночке,

причем надлежало “вразумлять” помещиков, что “люди не суть товар”, в полном противоречии с существовавшим царским законодательством»¹⁹. Слово сочетание *в полном противоречии с существовавшим царским законодательством* коннотирует идею нелегальности союза. Получается, что «Зеленая книга» содержит такие положения в сфере решения крестьянского вопроса, которые противоречат российскому законодательству. Читателю, таким образом, предлагается признать радикальность этих взглядов в деле решения крестьянского вопроса.

По мнению М. В. Нечкиной, члены союза не планировали ограничиваться формированием общественного мнения. Подготовленное общественное мнение должно было стать базой для более радикальных действий. «Совершенно очевидно, – пишет историк, – что при всей силе передового общественного мнения необходим какой-то государственный переворот, захват власти новаторами. Как же этот переворот происходит?»²⁰. Отвечая на поставленный вопрос, М. В. Нечкина обращает свое внимание на шестой параграф третьей книги «Законоположения Союза благоденствия». В этом параграфе идет речь о руководителе Совета коренного союза (центрального органа Союза благоденствия). Приведем текст параграфа полностью: «Председатель совета именуется главою»²¹.

«Еще А. Н. Пыпин, публикуя текст “Зеленой книги”, – пишет М. В. Нечкина, – обратил внимание, что в немецком уставе ни такого параграфа, ни такого “Главы” не имелось, – это была специфика русского текста»²². Что дает историку указание на различия в текстах уставов?

В приведенном выше отрывке речь идет об уставе немецкого общества Тугендбунд, который лег в основу «Законоположения Союза благоденствия». Тугендбунд был патриотическим обществом, созданным в 1808 году после поражения Пруссии в войне с Францией. Цель общества не была революционной, она заключалась в возрождении «национального духа» в Пруссии.

Текст, слепо скопированный с устава патриотического общества, не совсем подходит для революционной организации, какой, по мысли М. В. Нечкиной, был Союз благоденствия. В текстах уставов должны быть различия, определяемые разницей в целях двух организаций. Противопоставление «Зеленой книги» и устава Тугендбунда, обнаружение «специфики русского текста» указывают тем самым на революционность Союза благоденствия.

Далее М. В. Нечкина обращает внимание на трактовку шестого параграфа первой главы третьей книги устава доносчиком М. К. Грибовским: «Грибовский поясняет: “Главу положено было избрать, когда было бы уже все готово, из вельмож, уважаемых войском и народом и недовольных правительством”. Подчеркнутые слова явно говорят о перевороте. Характерно, что так

расшифровывается параграф из весьма “мирной” по внешности первой части “Зеленой книги”»²³. Этот отрывок отсылает к идее революционности союза. Слово *переворот* означает в данном контексте, очевидно, силовую смену власти в стране. Кроме того, слова *переворот* и *революция* этимологически связаны. Латинское слово *revolutio*, от которого происходит русское слово *революция*, означает как раз переворот.

Идею революционности союза коннотирует также фраза «весьма “мирной” по внешности первой части “Зеленой книги”». Заклучая слово *мирный* в кавычки, М. В. Нечкина использует стилистический прием, меняющий значение слова на противоположное. Она подчеркивает тем самым, что идеи, изложенные в первой части «Зеленой книги», нельзя признать мирными.

М. В. Нечкина обращает свое внимание не только на программу общества, но и на «вопросы устава» союза. Внимание историка привлекает информация о двух расписках, которые давал каждый поступающий в Союз благоденствия человек. Подписывая их, вступающий заверял свое согласие с целями и законами союза, а также обязывался в случае выхода из организации «не разглашать, наипаче же не порицать» союз, и не «противодействовать» ему²⁴.

Анализируя содержание расписок, М. В. Нечкина акцентирует внимание читателя на отражении в них конспиративных моментов. «Тайну Союза, – сказано в монографии, – охраняла уже первая расписка». Действительно, в первой расписке говорится, что член организации обязывается «отнюдь не разглашать» деятельность союза²⁵. Однако во второй расписке ничего о конспирации не сказано. Приведем текст второй расписки полностью. «Я нижеподписавшийся, находя цель и законы Союза благоденствия совершенно сходными с моими правилами, обязуюсь деятельно участвовать в управлении и занятиях его, – покоряться законам и установленным от него властям; – сверх того, даю честное слово, что даже по добровольном или принужденном оставлении Союза не буду порицать его, а тем менее противодействовать оному. В противном случае добровольно подвергаюсь презрению всех благомыслящих людей»²⁶. Вместе с тем М. В. Нечкина все же усматривает свидетельства конспирации и во второй расписке: «Вторая расписка также оговаривала конспиративность организации, указывая на молчание и тайну даже при исключении члена из организации (“принужденное оставление”»²⁷.

В чем причина усиленного внимания М. В. Нечкиной к отражению в «Зеленой книге» конспиративных моментов? Конспирация позволяет «увидеть» в «Зеленой книге» свидетельства революционного характера организации. Согласно М. В. Нечкиной, «декабристам на этапе Союза благоденствия было что скрывать от правительства»²⁸.

Интеллектуальная культура, в рамках которой работала М. В. Нечкина, увязывала понятия *конспирация* и *революционность*. Революционер, занимаясь нелегальной деятельностью, с неизбежностью сталкивается с необходимостью конспирации. Указанная связь понятий не раз подчеркивалась, к примеру, Лениным. Так, например, в обращении «К петербургским рабочим и социалистам от “Союза борьбы”» он устанавливал четкую связь между конспирацией и антиправительственной деятельностью: «Без усиления и развития революционной дисциплины, организации и конспирации невозможна борьба с правительством»²⁹. Следовательно, слова *тайна*, *молчание* и *конспирация*, использованные М. В. Нечкиной, коннотируют идею революционности Союза благоденствия.

Завершая анализ «Зеленой книги», М. В. Нечкина обращает свое внимание на содержание ее второй части: «В параграфе 24 ее третьего раздела новичок читал: “Управа, основавшая три побочные управы или вольные общества, получает название главной управы и оным список окончательного образования Союза, т. е. второй части Законоположения”. Следовательно, законно умозаключал новичок, вторая часть “Зеленой книги” даже важнее первой, ибо содержит “окончательное образование”, т. е. наиболее важные законы тайного союза»³⁰. В данном отрывке автор через отсылку к логике указывает на идею революционности. За умозаключениями «новичка» скрывается логика самой М. В. Нечкиной, и эта логика должна быть усвоена читателем. Если первая часть устава, как это следует из текста монографии «Движение декабристов», несет на себе, пускай и не в явном виде, печать революционности, то нельзя сомневаться в том, что во второй – секретной – части устава, в которой содержались «наиболее важные законы», революционность организации раскрывалась в явном виде и в полном объеме. В противном случае секретность была бы лишена какого-либо смысла.

Тайная цель союза, которая раскрывалась во второй части «Зеленой книги», согласно М. В. Нечкиной, была революционной: «Уничтожение старого абсолютистско-крепостнического строя путем государственного переворота, замена его строем представительным, опирающимся на твердый основной закон – конституцию, разу-

меется, было “сокровенной”, тайной целью Союза благоденствия»³¹.

Обратим внимание на следующее обстоятельство. О второй части «Зеленой книги» мало что известно. Сам факт ее существования вызывает сомнение. Текст ее, если он и существовал, утрачен. О ее содержании можно судить лишь по косвенным свидетельствам. В результате при умелой расстановке акцентов она легко могла быть превращена в знак революционности Союза благоденствия. Действительно, наличие в союзе секретной части устава, в которой раскрывались истинные цели, может расцениваться как свидетельство конспиративности и революционности организации. Поэтому само повествование историка о второй части «Зеленой книги», дополненное соответствующими замечаниями относительно тайной цели союза, коннотирует идею революционности организации.

Таким образом, М. В. Нечкиной удается наделять текст «Зеленой книги» революционным смыслом. Текст «Законоположения Союза благоденствия», по мнению историка, свидетельствует об антиправительственной деятельности его участников, об их антикрепостнических взглядах, отражает конспиративный нелегальный характер организации.

Указание на революционность, вместе с тем, не дано в монографии в прямом виде. Идея революционности читается между строк. Для формулирования понятия *революционность* М. В. Нечкина прибегает к помощи вторичной знаковой системы. Словосочетание *классовая дворянская ограниченность*, слова *тайна*, *конспирация*, противопоставление «Зеленой книги» и Жалованной грамоты дворянству, указание на несовпадение текстов «Зеленой книги» и устава Тугендбунда, реконструкция гипотетического содержания второй части «Законоположения Союза благоденствия» являются означающими вторичной знаковой системы. Все эти означаемые имеют всего лишь одно означаемое – революционность. Однако они получают это смысл только лишь благодаря погружению в соответствующий контекст – в контекст взглядов Ленина на движение декабристов, в контекст истории французской революции. Для этого читателю монографии необходимо было владеть соответствующим культурным кодом, на что и рассчитывала М. В. Нечкина.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Законоположение Союза благоденствия // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: В 3 т. М., 1951. Т. 1. С. 241.

² Нечкина М. В. Движение декабристов: В 2 т. М., 1955. Т. 1. С. 187.

³ Ленин В. И. Доклад о революции 1905 года // Полн. собр. соч.: В 55 т. 5-е изд. М., 1973. Т. 30. С. 315.

⁴ Законоположение Союза благоденствия. С. 242.

⁵ Нечкина М. В. Указ. соч. С. 195.

⁶ Законоположение Союза благоденствия. С. 241–242.

⁷ Нечкина М. В. Указ. соч. С. 195.

⁸ Там же. С. 194.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 195.

- ¹¹ Законоположение Союза благоденствия. С. 246.
- ¹² Нечкина М. В. Указ. соч. С. 197.
- ¹³ См.: Ленин В. И. Политический кризис и провал оппортунистической тактики // Полн. собр. соч.: В 55 т. 5-е изд. М., 1972. Т. 13. С. 348–364; Ленин В. И. Памяти Герцена // Полн. собр. соч.: В 55 т. 5-е изд. М., 1968. Т. 21. С. 255–262; Ленин В. И. Роль сословий и классов в освободительном движении // Полн. собр. соч.: В 55 т. 5-е изд. М., 1973. Т. 23. С. 397–399.
- ¹⁴ Ленин В. И. Политический кризис... С. 356.
- ¹⁵ Ленин В. И. Памяти Герцена... С. 261.
- ¹⁶ Нечкина М. В. Указ. соч. С. 23.
- ¹⁷ Там же. С. 24.
- ¹⁸ Там же. С. 198.
- ¹⁹ Там же. С. 200.
- ²⁰ Там же. С. 202.
- ²¹ Законоположение Союза благоденствия. С. 251.
- ²² Нечкина М. В. Указ. соч. С. 203.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Законоположение Союза благоденствия. С. 250.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Нечкина М. В. Указ. соч. С. 204.
- ²⁸ Там же. С. 188.
- ²⁹ Ленин В. И. К петербургским рабочим и социалистам от «Союза борьбы» // Полн. собр. соч.: В 55 т. 5-е изд. М., 1967. Т. 2. С. 468.
- ³⁰ Там же. С. 209.
- ³¹ Там же. С. 208.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барт Р. Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По // Барт Р. Избранные работы: Семиотика, поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 424–461.
2. Барт Р. S/Z. М.: Академический Проект, 2009. 373 с.
3. Бок ова В. М. Эпоха тайных обществ: Русские общественные объединения первой трети XIX в. М.: Реалии-Пресс, 2003. 654 с.
4. Нечкина М. В. Движение декабристов: В 2 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
5. Парсамов В. С. Устав Союза Благоденствия и литературный канон // Пушкинские чтения в Тарту. Вып. 5. Пушкинская эпоха и русский литературный канон: К 85-летию Л. И. Вольперт. Ч. 2. Тарту, 2011. С. 309–319.
6. Сидорова Л. А. Оттепель в исторической науке. Середина 50-х – середина 60-х гг. // Историческая наука России в XX веке. М.: Скрипторий, 1997. С. 244–268.

Kamenev E. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

**GIVING MEANING TO “GREEN BOOK”: CHARTER OF UNION OF PROSPERITY
IN M. V. NECHKINA MONOGRAPH “DECEMBRISTS’ MOVEMENT”**

The aim of the article is to deconstruct M. V. Nechkina’s interpretation of The Charter of the Union of Prosperity (the “Green Book”). The theoretical basis of the study is based on the Roland Barthes’ idea of connection between ideology and connotations. The analysis of connotations as well as methods of their inclusion into the text of M. V. Nechkina’s monograph “The Decembrists’ Movement” help to reveal a mechanism of historical narrative ideologization. M. V. Nechkina interpreted the “Green Book” as a text indicating revolutionism of the Union of Prosperity. Adding desirable sense to the text of the “Green Book” M. V. Nechkina used connotative sign system. Such collocations as *nobility class*, *narrow-mindedness*, words like *secrecy*, *conspiracy*, an opposition between the “Green Book” and the Entitlement Charter for Nobility, an indication of the difference between the “Green Book” and the charter of the German Tugendbund, the analysis of a hypothetical content of the second part of the charter of the Union of Prosperity are signifiers of a particular connotative system of signs. All of these signifiers refer to one signifier – revolutionism. These signifiers obtain their meaning through context immersion – the context of the history of French Revolution and of Lenin’s views on Decembrists’ movement. A reader of the monograph must possess a relevant cultural code in order to grasp the meaning, and it was exactly what M. V. Nechkina relied upon.

Key words: Soviet historiography, M. V. Nechkina, Decembrists’ movement, “Green Book”, connotation, R. Barthes

REFERENCES

1. Bart R. Textual Analysis of a Tale by Edgar Poe [Tekstovoy analiz odnoy novelly Edgara Po]. *Bart R. Izbrannyye raboty: Semiotika, poetika* [Barthes R. Selected works: Semiotics, poetics]. Moscow, Progress Publ., 1989. P. 424–461.
2. Bart R. S/Z [S/Z]. Moscow, Academic Project Publ., 2009. 373 p.
3. Bokova V. M. *Epokha taynykh obshchestv: Russkie obshchestvennyye ob’edineniya pervoy treti XIX v.* [The Epoch of secret societies. Russian public associations of the first third of the 19 century]. Moscow, Realis-Press Publ., 2003. 654 p.
4. Nechkina M. V. *Dvizhenie dekabristov: V 2 t.* [The Decembrist movement]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1955.
5. Parsamov V. S. The Charter of the Union of Prosperity and a Literary Canon [Ustav Soyuza Blagodenstviya i literaturnyy kanon]. *Pushkinskie chteniya v Tartu* [Pushkin’s readings in Tartu]. *Issue 5. Pushkinskaya epokha i russkiy literaturnyy kanon: K 85-letiyu L. I. Vol’pert* [The Pushkinian epoch and the Russian Literary Canon: on the 85th Anniversary of L. I. Vol’pert]. Part 2. Tartu, Tartu University Press, 2011. P. 309–319.
6. Sidorova L. A. The thaw sign in historical science. Mid 1950’s – mid 1960’s [Ottepel’ v istoricheskoy nauke. Seredina 50-kh – seredina 60-kh gg.]. *Istoricheskaya nauka Rossii v XX veke* [Historical science in Russia in XXth century]. Moscow, Scriptorium Publ., 1997. P. 244–268.

Поступила в редакцию 16.03.2015